

Фотографии из музея Еманжелинской школы

Хроника еманжелинской Победы

Кто считает, что в архивах скучно, тот там никогда не работал, не прикасался к истории напрямую. Мне повезло несколько раз побывать в хранилищах документов: искала сведения о главах местного самоуправления к юбилею села. Читала протоколы общих собраний граждан, отчеты депутатов и руководителей на сессиях местного Совета... Какие неподдельные страсти кипели! Документальный детектив.

► 14 августа 1931 года. Еткульские, бектышские, батуринские, еманжелинские пионеры в Еткульском бору

► 4 ноября 1939 года, еманжелинские школьники

◀ Красноармейцы. 1938-1939 гг.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Демченко

Директор павленковской библиотеки Еманжелинского сельского поселения Челябинской области. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари. Курирует и пополняет школьный музей, проводит экскурсии по историческим местам села и района. Автор нескольких очерков в нашем журнале.

Уральский следопыт, июль 2015

Река времени

Вот 1930-й год. Делопроизводство поставлено на поток. Впервые с послереволюционных времен выдаются не разрозненные листки, а добротные подшивки документов. И первая же бумага — «Протокол №1 избиркома при Еманжелинском сельском совете от 19 февраля 1930 года». Обсуждали списки избирателей и «лишенцев», то есть тех, кто голосовать права не имеет. Последних только в Еманжелинке и окрестных деревеньках набралось 227 человек! В перечнях указаны причины лишения избирательных прав: имел батраков, эксплуататор (это чаще всего), а также «поповская семья», «служитель культа», «есть сельхозмашины», «закупка и перепродажа хлеба», офицер. Ущемлялись в правах не только сами «виновники», но и их дети. Напротив некоторых фамилий — резолюция: «выслить».

Следующее заседание посвящено уже чистке собственных рядов. Пересматривали список бедняков, вошед-

ших в состав Совета. Было 25 процентов, а требовалось 32. Кандидатуры обсуждали тщательно. Вердикт: батрака В. Свинолупова из числа кандидатов убрать «как присваивающего кулацкое имущество», середняк Кунгин Александр Федорович тоже не годится, причина — «частая выпивка», а Петр Кононов подходит по всем статьям, но его брат-комсомолец состоит в ревкоме, а два начальника из одной семьи — это перебор. В итоге утвердили Устьянцеву Ульяну, Устьянцеву Никандра, Ярушину Агнию и середняка Силкина Александра. Судя по количеству исписанных листов, споры заняли не один час. Основательно люди работали!

А гражданское собрание поселка Еманжелинского от 15 марта того же года закончилось сварой. Вопросы-то на повестке дня вроде бы мирные — «зачитка» наказов новому составу сельского Совета и выбор народных заседателей, однако, когда прозвучал наказ закрыть церковь и отдать здание куль-

12+

турному учреждению, зал взорвался. В протоколе замелькали пометки: «крики» или «выкрики» из зала. Слово попросил Лобашев Василий и сказал, что о культурном учреждении «никто не говорит, а о церкви говорят, ... а сейчас на собрании присутствует большинство от старообрядцев, к церкви не причастных». В общем, изъясняясь канцелярским языком, повестку потребовал изменить, так как собрание нелегитимно. Ему возразил один из организаторов, Казанцев, объяснив, что «вопрос о закрытии церкви решался уже в сторону закрытия, и требуется лишь последний раз подтвердить желание верующих школы». Имеется в виду требование расширить помещения школы за счет церкви. Тут же откликнулся М. Бельков. Его фраза записана дословно: «Верующих в посёлке 600 человек, а закрыли (протоколы за прекращение богослужений) 16-старую». Его поддержал Осип Носков. Выступая акти-

вистка Сморчкова. Она укорила женщин, которые не участвовали в мужском споре, и заметила: «Видимо, большинство таковых попали под влияние бузотеров собрания Белькова и Носкова». После чего «бузотеров» обвинили в попытке срыва обсуждения, выпроводили из зала и постановили летом начать подготовку к разрушению храма.

Дальше собрание протекало мирно и единогласно решило: коллективные хозяйства укрупнить, поля расширить за счет выкорчевывания лесов, школе к будущему году «закупить волшебный фонарь, диапозитивы и агрономические картинки», здравоохранению «добиться постоянной акушерки при нашем медпункте, а также открытия детской консультации».

Впрочем, 30-е годы надолго спокойную жизнь гарантировать не могли даже в уральской глубинке. Людей звал новый мир, менялись привычные устои. Перед 8 марта товарищ Сморчкова выступила с докладом «Задачи пере выборов Советов и участие женщин». Трудно удержаться от искушения и не привести хотя бы небольшой отрывок из Протокола общего собрания женщин: «Учитывая историческую важность пере выборов сельского Совета все женщины, имеющие избирательные права, должны явиться на пере выборные собрания, на 100%, оправдывая название «Челябинский округ опытно-показательный». Для обеспечения 100-процентной явки женщин сельвизбиркому необходимо в каждой двадцатидворке уполномочить одну актив-

▼ Музейная встреча «Ленинградцы, дети мои», на которой прозвучало стихотворение Р. Д. Вдовиной

13

ную женщину, на которую возложить ответственность за аккуратную, т.е. 100-процентную явку женщин. Провести точный учет детей, принять меры к полному обслуживанию их путем организации отрядов красных нянь из девушек до 18-летнего возраста».

Неизвестно, вдохновил ли доклад всех без исключения жителей села бороться за звание «опытно-показательного округа», но для развития системы образования и воспитания в Еманжелинке сделано было много. На теперешней улице Чекарева (тогда Береговая и Вокзал) открыли колхозные ясли. Группы были большими, иногда по сорок детей, а следили за ними две-три женщины. В период посевной и уборочной присматривать за малышами оставляли девочек-подростков или старух. Особых занятий не было: воспитанников кормили, умывали, отправляли гулять.

Выросло число учащихся в школе. В 1931-м при ней появляется первый пионерский отряд. До этого, начиная с 1926 года, пионеры объединялись в отряды по месту жительства, а не учебы. В 1934 году школа стала семилетней. Выявился недостаток помещений и наглядных пособий. Проблемы то и дело обсуждались на сходах граждан. Речь заходит о строительстве специального здания для школы силами колхозников. Вроде противников нет.

Однако протоколы конца тридцатых годов написаны гораздо суше. Идет скупое перечисление вопросов и краткие резолюции по ним. Обращается внимание на работу селюпо, социально-бытовые условия жизни колхозников, организацию их досуга, дорожное строительство и т.д.

В начале войны короткое молчание, а с сентября 1941 года бумаги опять разворачиваются серыми убористо исписанными «простынями». Депутаты собираются иногда два-три раза за месяц. Слишком много неотложных вопросов, слишком мало сил: одни уходят на фронт по призыву, другие — добровольцами. К 5 сентября 1941 года в армии уже 8 из 34-х депутатов. Об этом сообщают в начале заседания, а дальше переходят к текущим вопросам. Главное — низкие темпы уборки. Решают привлечь резервы, отправить людей копать и жать вручную. Ситуация не исправляется, и 26 сентября следует новое постановление: «На все вспомогательные работы мобилизовать коров и быков, освободив 70% лошадей для лобогреек и возки зерна государству. Запретить пользоваться лошадьми бригадирам, кроме тракторной, поваров, скирдовщиков, копнителей и комбайнеров. Мобилизовать учащихся 4-7 клас-

▲ 1938 год, 6-е классы Еманжелинской школы

сов на уборку урожая до 5 октября. Закрыть Камышитовый завод, передав рабочих, лошадей и необходимый инвентарь колхозу «Всходы».

Работы затягиваются до снега. Только 20 ноября А.И. Кожевин, председатель колхоза имени XVII партсъезда, Блюденев (колхоз «Красный колос»), А.В. Дубровин (колхоз имени Буденного), Пивоваров (колхоз «Всходы») отчитываются, что уборка завершена. Однако не на чем возить зерно на элеватор. Выход предлагают директора предприятий. Машины, днем занятые на производстве, ночью отправлять в колхозы и делать не менее двух рейсов к железнодорожной станции. Стоит отметить: водители те же, сменщиков нет.

Тут же, в ноябре, новая проблема. На станцию прибывает поезд с ленинградскими детьми. Работников школы поднимают телефонограммой. Надо встречать эвакуированных, а нет ничего: ни помещений, ни постелей, ни продуктов. Срочно освобождают одно из школьных зданий. Партии даже не вытаскивают, подпиливают у них ножки и делают топчаны, мешки набивают соломой — это матрацы

и подушки, из домов несут лоскутные одеяла. Колхозы выделяют подводы, и, буквально за день, население Еманжелинки увеличивается на две с лишним сотни измученных и голодных людей.

14 января 1942 года председатель совета Иван Петрович Карпенко докладывает, что в Еманжелинке 83 хозяйства эвакуированных, два детских сада для ленинградских детей, и просит у колхозников помощи в обеспечении этих людей продовольствием. Заведующая детским садом № 32 П.Г. Забарова жалуется на почти полное отсутствие медицинской помощи. Недавно в ее группе умер ребенок, потому что фельдшер Бобылева пришла к больному спустя два дня после вызова. Она и директор школы В.В. Лимова недовольны тем, что на продуктовые карточки выдается мука, а не хлеб, ведь в их учреждениях нет ни пекарей, ни специальных печей, а селюпо постоянно допускает обвесы.

Положение отчаянное, но заседание совета проходит не зря. На работу принимаются фельдшеры из числа эвакуированных, председатели колхозов Дубровин и Ярушин обязуются снабжать детские сады и школу дровами, а также выпекать для них хлеб в своих пекарнях, учителей закрепляют за чайной, где хотя бы раз в день можно получить горячий обед и даже унести его домой, для старших подростков открываются курсы по подготовке к армии.

Несмотря на трудности, школа действует. Среди выпускников 44-45-го годов уже есть ленинградцы. В школьном музее хранятся воспоминания В.П. Шундеева. Уже после войны он написал об учениках из интерната: «Помню их и сейчас такими, какими они были тогда. Вот Рожков Юра, тайком от учителя читающий «Дети капитана Гранта» в то время, как мы всем классом тянем по слогам «ма-ма мы-ла ра-му». Вот Рая Вдовина, каждую свободную минуту рисующая лошадей, которые у нее всегда были превосходны, где бы они ни были нарисованы. Не забыть

▲ В. П. Шундеев

▼ Старая школа в Еманжелинке. Начало 50-х гг.

и Эдика Гукасыяна с его бесконечными вопросами «а почему», «а для чего», и Лизу Городинскую с ее частыми огорчениями из-за помарок в тетради, и маленького непоседу-шкодника Поцелуева Алика».

Весной 45-го года многие ленинградцы возвращаются в родной город, а для школы начинается новый, послевоенный период жизни.

Хотя это потом. Если следовать хронологии, нужно снова обратиться к бумагам военных лет. В 1943 году начинается массовый падеж скота. Свирепствуют чесотка и ящер. Председатели колхозов жалуются на ветфельдшера Прохорова, который или не выезжает на пастбища, или проводит осмотр животных спустя рукава. Исполком сельского Совета тут же принимает суровое решение: «Работу ветфельдшера Прохорова считать вредительством, так как она направлена на заболевание скота, и передать дело на Прохорова в органы НКВД, а также исполком просит произвести обыск, а самого посадить, так как его работа вредительская, контрреволюционная».

То ли Прохоров действительно «вредил», то есть работал спустя рукава, то ли с холодами эпидемия прошла сама собой, но жалобы на плохое состояние овец и коров прекратились, и к 1945 году колхозы справлялись с планами по молоку и мясу.

К концу войны протоколы записали почти одинаковыми заявлениями: семья погибшего красноармейца просит оказать помощь, многодет-

ная мать обращается за поддержкой, инвалиду по ранению требуются дрова на зиму — и так страница за страницей. И выделяли... Что могли. Кому дрова, кому лошадь вспахать огород; если очень повезет, немного зерна. И тут же распространяли подписку: был твердый план, сколько рублей собрать с колхозников, сколько с МТС, не освобождались от денежной повинности даже старики и домохозяйки. Люди не роптали: верили, что каждая отданная копейка приближает Победу.

Удивительно только, что первые послевоенные документы тоже весьма сухи. Нигде никаких восторгов по поводу долгожданного мира. А, может, и не стоит слишком удивляться... Это в сознании современников 9 мая пролегла резкая граница между войной и миром, а тогда, семьдесят лет назад, некогда было думать о праздничных мероприятиях, нужно было работать, работать и работать, чтобы бои и разруха на самом деле остались только в архивных подшивках.

...Когда уже в 2015-м мы отмечали День снятия блокады Ленинграда, в библиотеку принесли письмо от петербургской поэтессы Раисы Дмитриевны Вдовиной. Помните девочку из воспоминаний В. П. Шундеева, которая любила рисовать лошадок? Она тоже не забыла своего первого учителя. Правда, прочитать письмо он уже не смог, но оно прозвучало для детей и внуков его учеников, потомков еман-

желинцев и ленинградцев, собравшихся в актовом зале школы.

Первому учителю моему — Владимиру Петровичу Шундееву.

*Владимир Петрович Шундеев,
Вы помните ль нас, грамотеев,
И наши из фетра пимы
В разгаре уральской зимы.*

*Была мне тогда непривычна
«Отчизна», а Родина — мать!
И вдруг Вы оценку «отлично»
В мою написали тетрадь.*

*Отлично по чистописанию,
По чтению и рисованию,
По пению и по письму —
По Вашему и моему.*

*И с этой «отлично» отметкой,
Как с именем Коркино, Еткуль,
Спозналась я в те времена,
Пока продолжалась война...*

*Простите, я Вам не писала,
Когда возвратилась с Урала,
Быть может, Вы ждали письма.
Вы были учитель отличный,*

*Классический, сельский, типичный,
Собой симпатичный весьма.
Ужели урок Ваш насмарку?!
Найду я красивую марку*

*И почерком давних времен,
И перышком с легким нажимом,
Классическим и нерушимым
Пошлю Вам привет и поклон. УС*